

УДК 81-114.02/003

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-88-93

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЧЕВОГО АКТА И ФУНКЦИИ ГОВОРЯЩЕГО СУБЪЕКТА Я

Красина Е.А.

Российский университет дружбы народов

117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрывается семиотическая организация и функции речевых актов с позиции говорящего субъекта **Я**, который формирует бинарную симметрично-асимметричную структуру и каркас речевого акта, конституируя **Ты** как свое alter ego. Субъективность определяет референтную соотнесенность всех компонентов речевого акта, как и семиотическое устройство языка в целом. Персональность как прагматическая категория обеспечивает устойчивость бинарного каркаса речевого акта и одновременно раскрывает и уточняет проявление в нем субъективности языка. Говорящий субъект **Я** обеспечивает в единстве реализацию трех семиотических языковых функций: символической, экспрессивной и аппеллятивной.

Ключевые слова: речевой акт, субъективность, персональность, семиотическая функция, прагматическая категория.

SEMIOTIC STRUCTURE OF SPEECH ACTS AND I-SPEAKER FUNCTIONS

E. Krasina

Peoples' Friendship University of Russia

117198, Moscow, Mikluko-Maklaya street, 6, Russian Federation

Abstract. In the paper the semiotic structure and functions of speech acts are revealed from the I-speaker perspective which forms binary symmetric/asymmetric structure and framing of a speech act thus constructing **YOU** as its alter ego. Subjectivity determines referential relations of all speech act components as well as the semiotic language structure as a whole. Pragmatic category of personality provides for the stability of the binary speech act framing and simultaneously describes and precisely reveals language subjectivity features within speech acts. I-speaker integrates three semiotic functions of language: symbolic, expressive and appellative ones.

Key words: speech act, subjectivity, personality, semiotic function, pragmatic category.

Субъективность языка находит своё отражение в принципе антропоцентризма, который охватывает всю систему языка и «имплицитно содержится и в концепциях, основанных на «центральной роли синтаксиса», поскольку их подлинной основой является не столько синтаксис вообще, сколько синтаксис высказывания, анализируемого в конкретной ситуации (...). Наконец, этот прин-

цип получает эксплицитное выражение в концепции семиотического устройства языка, где обосновывается центральная роль системы указателей «я – здесь – сейчас» [7, с.51].

Формируя семиотическую концепцию языка, К. Бюлер утверждает, что система ориентации субъекта по принципу «здесь – сейчас – я» принадлежит указательному полю человеческого языка как нулевая точка некоторой системы координат «“субъективной ориентации”, во власти которой находятся и будут находиться все участники общения» [3, с. 94 – 95]. В модели языка как органа, по К. Бюлеру, языковой знак реализует три основные семантические функции: это символ в отношении предметов и ситуаций (репрезентация); симптом, зависящий от говорящего – отправителя сообщения (экспрессия); сигнал, обращенный к слушателю – получателю сообщения (апелляция). Если в 1918 г. он открывал свою работу о предложении словами: «Функция человеческого языка тройственна: изъявление, побуждение и репрезентация», то в 1934 г. он вводит новые термины: «Сегодня я предпочитаю термины: *экспрессия*, *апелляция* и *репрезентация* (...)» [цит. по: 3, с. 34].

Одним из итогов феноменологического исследования языка стал новая исследовательская лингвистическая парадигма, прежде всего для слов *я*, *здесь*, *сейчас*, *это* и др., особенность которых заключается в том, что каждый человек в каждом акте речи может осознавать и интерпретировать их по-разному. Эта новая прагматическая парадигма – парадигма эгоцентрических слов центральной координатой избирает *я* – говорящего субъекта, с

которым и соотносится язык в целом. При этом её основные понятия – имена, предикаты, предложения – релятивизируются и рассматриваются как функции [6, с. 97 – 98], [8], [9]. Функция здесь рассматривается как назначение, предназначение, цель употребления, поэтому «как функции чаще всего интерпретируются элементы содержания, реально выражаемые в речи, а не внутриязыковые значимости» [2, с. 48]. Тем более функции высказывания, которые интенциональны по своей природе, так как смысл высказывания выражается в соответствии с намерениями говорящего, потребностями и целями коммуникации.

Языковая прагматическая координата *я* эксплицирует понятие субъекта, который раскрывается в двух аспектах: 1) как реально действующий и мыслящий человек, противостоящий миру как объекту преобразования и познания; и 2) как грамматический субъект, как подлежащее.

В теории речевых актов *я* совмещает в себе оба аспекта, представ в своем денотативном значении конкретного, эмпирического *я* – говорящего субъекта, который «присваивает мир», чтобы затем осуществить действие в отношении мира или в нем самом. Говорящий субъект *я* присваивает себе практически все прагматические значения, а точнее, создает их, поскольку он «не принадлежит миру, а представляет собой некую границу мира» [4, с. 56].

Категориальная ситуация речевого акта и представляющего его перформативного высказывания оказывается ситуацией-шифтером [11, с. 95], т.е. заключает в себе также и определенное отношение к ситуации речи. В свою очередь перформативное вы-

сказывание, представляющее речевой акт, позволяет выявить комплекс категориальных ситуаций, связанных с перформативным контекстом глагола-предиката, тремя уровнями организации речевого акта (локуция, иллокуция и перлокуция) и, наконец, тремя сферами самого перформативного высказывания: говорящим субъектом **я**, слушающим-адресатом **ты** и речевым действием.

Фундаментальное свойство языка субъективность сопряженно при любом – феноменологическом, психологическом или языковом подходе с языковым статусом лица: субъект **я** конституирует внешнее лицо **ты**, которое становится своеобразным alter ego, способным в процессе коммуникации, в ходе речевого акта говорить «ты». Обращаясь к субъекту **я**, участники коммуникативного и речевого акта как бы поляризуются, и такая полярированность не имеет аналога нигде вне языка [1, с. 293 – 294]. Механизм полярированности таков, что оба обозначения участников общения не являются ни равнозначными, ни симметричными, но взаимобратимыми, взаимодополнительными.

Бинарность и асимметрия коммуникативного и речевого актов, как и перформативного высказывания, в том числе обусловлены тем, что хотя **я** всегда доминирует, всегда трансцендентально в отношении к **ты**, всё же ни один из компонентов речевого акта не мыслим друг без друга. Их оппозиция не одномерна, за счет чего последовательность развертывания речевого акта и линейность высказывания могут нарушаться, а развертываться будет многомерность, объемность, порождающая новые смыслы и противо-

поставления, обратимые впоследствии в новую линейность и последовательность. Принцип бинарности не исключает множественности, поскольку каждое из высказываний, произведенных или даже воспроизведенных, но всегда в изменившихся условиях, подвергается новому бинарному членению: «от я» и «от ты». В этом проявляется неповторимость и особенность положения человека в языке: бинарность сменяется многомерностью, симметрия – асимметрией, и наоборот.

Субъективность определяет референтную соотнесенность всех элементов речевого акта, в том числе и временные отношения: референтно лишь соотношение с настоящим моментом, т.е. временем, когда мы говорим «я», локализуясь во времени, неизбежно локализуется и в пространстве, опираясь на систему координат «я – здесь – сейчас». Очевидно, что сфера говорящего субъекта **я** имеет сложную организацию и является доминантой речевого акта, проектируя речевой акт в целом и конструируя сферу адресата **ты**, другого лица, в частности. Создавая свой мир, свое положение дел, сфера адресата **ты** вовлекает **я** в совместную деятельность, способствуя более полному взаимодействию **я** с так называемыми другими мирами. Таким образом **я** и **ты** в рамках речевого акта утрачивают бинарность и симметричность, но сохраняют свою противоположность как его обязательные, необходимые участники и создают реляционный каркас коммуникации вообще, обеспечивая условия для получения новой информации и нового знания.

Сферы говорящего субъекта **я** и адресата **ты** предполагают проявление в речевом акте категории персональ-

ности, семантическим ядром которой выступает категория лица. Становясь центральной координатой эгоцентрических слов и доминантой речевого акта, говорящий субъект **я** позволяет рассматривать персональность как прагматическую категорию, при этом бинарный признак «участия-неучастия» в речевом акте становится критерием для выявления системных отношений в сфере значений лица: семантический центр представлен **я** и **ты**, соотносенными в речевом акте, а «третьи лица» - **он, она, оно, они** - обозначают переход к ближайшей периферии на фоне безличности как дальнейшей периферии. Но персональность не исчерпывается личными местоимениями, она группирует разноуровневые средства языка, служащие для выражения всевозможных отношений к лицу. В этом смысле типичным является взаимодействие местоимений и глагольных форм.

Персональная ситуация - это один из типов категориальных ситуаций в теории функциональной грамматики [10]. Это содержательная форма, благодаря которой в высказывании передаются отношения к лицу и между лицами, если их несколько. В силу определенности перформативного контекста речевого акта, обусловленной формой его глагольного перформативного предиката, структурной основой категориальной ситуации перформативного высказывания является бинарное ядро как сочетание **я** говорящего субъекта и соответствующей личной формой глагола. Семантическим ядром по-прежнему остается **я** говорящего субъекта. Очевидная бинарность структурного ядра персональности не делает эту категорию по-

лицентричной, как и собственно поле персональности. Моноцентричность персональности обусловлена тем, что и семантическое и формальное членение высказывания, выявляя асимметрию личных местоимений и асимметрию компонентов бинарного структурного ядра, сохраняет доминанту говорящего субъекта **я**.

Персональность тесно связана с темпоральностью и модальностью, что в перформативных высказываниях проявляется однозначно, поскольку говорящий субъект **я** ситуативно актуализирован. С точки зрения темпоральности, он ориентирован на настоящее речевого акта, а в плане модальности - на субъективность. Таким образом, в пределах речевого акта персональность как прагматическая категория обеспечивает устойчивость бинарного ядра речевого акта, его бинарного каркаса «**я**-говорящий субъект - **ты**-alter ego» и одновременно представляет и раскрывает субъективность языка.

Содержательные аспекты речевого акта, в первую очередь, его интенциональность и конвенциональность отражают некоторый фрагмент действительности с точки зрения говорящего, а говорящий субъект **я** выступает одновременно и как «главное действующее лицо мира, о котором он говорит» [5, с.3]. Именно говорящий субъект реализует в единстве все три семиотические функции: репрезентативную, или символическую, экспрессивную и апеллятивную, обращенные к реципиенту-адресату и действительности вообще.

Акты вербализации, как и интенции говорящих субъектов, весьма разнообразны и вряд ли могут быть ис-

числены, однако отдельные фрагменты этой сложной психической и языковой деятельности представлены в теории речевых актов, которая пытается объяснить, каким образом происходит наделение интенции языковой формой и, наоборот, как языковые формы выявляют интенции. Очевидно, что не всякий акт речи и не всякий коммуникативный акт может проявиться и быть проинтерпретирован как акт речевой. За каждым речевым актом стоит сложная система знаний, поскольку в нем в процессе создания высказывания отделяется объективированная языком форма передачи мысли и ее содержание и при этом рождается нечто новое – сообщение как единство языковой формы и мыслительного содержания, обогащенного за счет языковой формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во СПбУ, 1996. 220 с.
3. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
4. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 520 с.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 367 с.
6. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. Киев: Ника-Центр, Вита-С, 1997. 560 с.
7. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
8. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.
9. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.
10. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. 370 с.
11. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. 248 с.

REFERENCES

1. Benvenist E. Obshchaya lingvistika [General linguistics]. M., Progress, 1974. 447 p.
2. Bondarko A.V. Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii [The problems of grammatical semantics and Russian aspectology]. SPb, Izd-vo SPbU, 1996. 220 p.
3. Byuler K. Teoriya yazyka. Rezentativnaya funktsiya yazyka [The theory of the language. The representative function of the language]. M., Progress, 1993. 528 p.
4. Vitgenshtein L. Filosofskie raboty. CH. 1 [Philosophical works. Part 1]. M., Gnozis, 1994. 520 p.
5. Zolotova G.A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative aspects of Russian syntax]. M., Nauka, 1982. 367 p.
6. Rassel B. Chelovecheskoe poznanie. Ego sfera i granitsy [The human cognition. Its scope and boundaries]. Kiev, Nika-TSentr, Vita-S, 1997. 560 p.
7. Stepanov YU.S. Osnovy obshchego yazykoznaneya [Foundations of General linguistics]. M., Prosveshchenie, 1975. 271 p.
8. Stepanov YU.S. Imena, predikaty, predlozheniya. Semiologicheskaya grammatika [Names, predicates, sentences. Semiological grammar]. M., Nauka, 1981. 360 p.
9. Stepanov YU.S. V trekhmernom prostranstve yazyka. Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In the three-dimensional space of the language. Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. M., Nauka, 1985. 335 p.

10. Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'. [The theory of functional grammar. Personality. Voice]. SPb., Nauka, 1991. 370 p.
11. Yakobson R.O. Yazyk i bessoznatel'noe. M.: Gnozis, 1996 [Language and the unconscious]. M.: Gnosis, 1996. 248 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красина Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов;
e-mail: elena_krassina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasina Elena A. – PhD of Philology, professor, professor of the chair General and Russian linguistics of department of languages and literature of Peoples' Friendship University of Russia;
e mail: elena_krassina@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Красина Е.А. Семиотическая организация речевого акта и функции говорящего субъекта Я // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №2. С. 88–93.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-88-93

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Krasina. Semiotic structure of speech acts and i-speaker functions // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics. 2016. no.2. pp. 88–93.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-88-93